

© 2020

Юрий Павленко

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института экономики РАН, Москва
(e-mail: pavlenko@inecon.ru)

СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ФАКТОРЫ МОБИЛИЗАЦИИ РЕСУРСОВ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА

В статье рассматриваются политико-экономические аспекты долгосрочной стратегии выхода из застойного состояния и дальнейшего развития экономики на путях формирования модели социальной экономики, опирающейся на принципиально новые производственные отношения и институциональные механизмы гражданского общества. Обосновывается целесообразность всестороннего использования механизмов мобилизационной экономики с целью привлечения и концентрации необходимых ресурсов развития.

Ключевые слова: социальная экономика, государство, гражданское общество, производственные отношения, мобилизационная экономика.

DOI: 10.31857/S020736760012603-2

Вызовы, перед которыми стоит современное государство и его экономика, связаны с особенностями, характеризующими период так называемого позднего капитализма. Ситуация в мировой экономике, по словам немецкого социолога Р. Курца, заключается в том, что в период позднего капитализма оказалась утраченной его способность к производству новой прибавочной стоимости или, иными словами, способность к модернизации в классическом смысле посредством индустриализации и капиталовложений как это было в предыдущий период. Капитализм не только использует новые возможности научно-технического прогресса и новых форм организации производства, но и подвергается дезорганизующему влиянию разросшегося финансового сектора экономики с его массовыми спекуляциями, сталкивается с обострением социальной ситуации, проблем структурной безработицы и т.д.

Несмотря на успехи ряда развивающихся стран, большинство стран «третьего мира» не может преодолеть свое эксплуатируемое положение в мировой экономике. Стало очевидно, что необходимо пересмотреть еще недавно распространенную относительно оптимистическую оценку состояния и возможностей капитализма периода модерна [1. С. 214].

Представляется, что миру необходима альтернативная стратегия развития, в основе которой должна лежать перспективная модель экономики, соответствующая новым вызовам. Мы определяем такую модель как социальная

экономика, суть которой заключается в том, что, во-первых, в рамках данной модели экономические механизмы, рынок подчиняются реализации социальных целей и, во-вторых, меняется характер производственных отношений. Представляется обоснованной постановка вопроса о возможности перехода к иным, новым отношениям, при которых снимаются отношения экономической власти и зависимости. На их смену могут прийти отношения партнерства, когда добавочно получаемый доход, полученный от инновационной деятельности агента, делится в определенных пропорциях теперь уже не между принципалом и агентом, а между партнерами. Можно высказать предположение: в той мере, в какой будет прогрессировать экономика, традиционная наемная форма использования труда со все большей очевидностью будет выявлять свою архаичность и неэффективность. Модернизация экономики на основе инноваций повлечет за собой утверждение новых отношений в общественном производстве, отношений соучастия [2. С. 133–134].

Некоторые нормативные представления о сути и содержании социальной экономики сформулированы в программных документах Европейского Союза, в частности в «Декларации организаций социальной экономики», принятой на Конференции в Саламанке (Испания) в 2002 году [3]. Речь в ней идет прежде всего о так называемой интегративной социальной экономике. В рамках данной модели социальная интеграция рассматривается как необходимое условие построения более справедливого общества. Главным интегрирующим инструментом социальной политики в интегративной социальной экономике служит политика и стратегия занятости с ее целью – занятость для каждого на рынке труда. Рассматриваемая модель базируется на двойственной структуре, в ней присутствуют два различных основания и дискурса: экономический и социальный. С первым связываются такие понятия как эффективность, дерегуляция, экономический рост. Со вторым – солидарность, интеграция, общность как противопоставление социальному исключению с отчуждением потенциальных работников наемного труда.

Содержание рассматриваемой модели связано с новым подходом в современных социальных науках. Данный подход дополняет привычные представления об иерархической классово-групповой структуре общества и традиционные интерпретации бедности и социального неравенства критериями иного порядка, определяемыми как включение (инклюзия) и исключение (эксклюзия) [4]. В модели интегративной социальной экономики социальное исключение (эксклюзия) оценивается как угрожающее социальной общности, влекущее за собой социальные и экономические потери, угрожающее экономическому развитию.

Обращает на себя внимание еще одна модель социальной экономики, обсуждаемая в специальной литературе. Речь идет об «освободительной», или эмансипационной, модели, которая может быть представлена как более

радикальный вариант. Она исходит из критического отношения к существующей системе хозяйства, а также из необходимости создания в перспективе нового общества, свободного от эксплуатации работников, а также полного преодоления в будущем экономической и социальной отсталости регионов. Эта модель акцентирует внимание на важности распространения в общественной и хозяйственной практике принципов солидарности, равенства и справедливости. Данная модель в некоторых своих чертах представляется как некое подобие экономики «третьего сектора». Основными хозяйствующими субъектами такой экономики выступают децентрализованные независимые предприятия, управляемые на принципах низкой демократии [5, p. 36].

Функции и обобщенные характеристики эмансипационной модели включают следующие элементы:

во-первых, социальная экономика, рассматриваемая как *jobmachine* (создающая рабочие места), а также оказывающая услуги по профессиональному образованию и переподготовке кадров, охватывающие в том числе и маргинальные группы населения;

во-вторых, социальная экономика трактуется в качестве механизма, компенсирующего провалы рынка и социального государства и обеспечивающего социальными услугами те сферы, где частный и государственный секторы не в состоянии удовлетворить социальные потребности. Речь идет, в частности, об искоренении вынужденного социального иждивенчества, сопровождающего застойную безработицу и неполной занятости путем всестороннего развития и использования человеческого потенциала;

в-третьих, социальная экономика в качестве производителя социального капитала создает условия для социальной интеграции, формирования и совершенствования механизмов территориального и производственного самоуправления;

в-четвертых, социальная экономика рассматривается в качестве «школы демократии», ориентированной на вовлечение граждан и социальных групп в процесс принятия социально и политически значимых решений [5, pp. 38–39].

Социальная экономика, представляющая собой совокупность новых, более прогрессивных базовых экономических отношений, в своем развитии должна опираться на соответствующую институциональную надстройку. В современных условиях такой надстройкой призвано выступать гражданское общество, которое мы рассматриваем как элемент системы власть (государство) – бизнес (рынок) – гражданское общество.

Что касается взаимоотношений элементов данной системы, то они подвержены изменениям в исторической перспективе. На более ранних этапах развития капитализма в процессе эмансипации буржуазного класса гражданское общество по существу отождествлялось с данным классом и являлось выразителем его интересов. Противопоставление гражданского общества

государству в тех условиях позволяло выступать под маской всеобщности партикулярным, прежде всего экономическим, интересам буржуазии, которые как показывает практика, смогли, во многом подчинить себе и государство и общество. Однако в дальнейшем, по мере расширения состава гражданского общества, его распространения и на другие классы и слои все сильнее ощущается объективная необходимость эмансипации теперь уже расширенного гражданского общества от тотального господства рынка, маркетизации и коммодификации.

Современный взгляд на гражданское общество выделяет две его стороны: организационную-функциональную и коммуникационную. С организационно-функциональной точки зрения гражданское общество рассматривается как определенный тип организации или самоорганизации, существующий, благодаря наличию формальных и неформальных институтов, процедур и отношений [6, p. 15]. Всю совокупность элементов и институтов гражданского общества можно разделить на две части. Это, во-первых, гарантируемые конституцией гражданские права и свободы, включая свободу предпринимательской деятельности. Во-вторых, это сети добровольных объединений, организаций, выполняющих различные социальные функции, например образовательные.

Важная сторона гражданского общества – коммуникационная, без которой невозможно его существование. Это так называемая публичная сфера, т.е. социальное пространство, в котором граждане могут влиять на государство и где формируется общественное мнение. Сюда включаются социальные отношения и формы коммуникации между гражданами, которые создают социальное пространство.

Именно в социальном пространстве формируется такое качество индивида как гражданственность. Это качество формируется системой институтов, но не вытекает непосредственно из их существования. Гражданственность проявляется в сфере обыденной жизни, или в социальной практике людей [7, p. 399]. Американский социолог Дж. Александер определяет гражданственность как позицию гражданина, поведение которого определяется чувством долга и ответственности. При этом гражданская сфера в отличие от политической, экономической и других сфер общества, по мнению Дж. Александера, должна определяться как область солидарности, включающая исторически определенный набор практик взаимодействия, таких как равенство, критичность, доверие и уважение [8, p. 7].

Большой вклад в разработку и актуализацию проблемы гражданского общества внес английский социолог Томас Х. Маршалл. Его имя связывают с разработанной им трактовкой категории гражданства как статуса, подразумевающего определенные возможности и обеспечивающего доступ к определенным правам, принадлежащим гражданам в их совокупности. Т. Маршалл выделяет три вида прав: собственно гражданские права, включающие свободу

слова и равенство перед законом; политические права — право на участие в голосовании и в политических организациях; наконец, социально-экономические права — право на экономическое благосостояние и социальную защищенность [9. С. 133.].

В той мере, в какой гражданское общество существует как независимая сфера, используя площадки гражданского общества (социальные движения и инициативы), а также законодательные механизмы, способные принудить государство к вмешательству в экономическую практику в интересах всего общества, гражданские критерии вводятся прямо и непосредственно в экономическую сферу. Само богатство перераспределяется согласно критериям, которые принципиально противоположны чисто экономическим. Здесь союзником гражданского общества и даже его орудием в борьбе с возможными деструктивными воздействиями экономической сферы объективно может выступать государственная бюрократия. Иными словами, гражданское общество и государство не обречены выступать в качестве постоянных противников. В идеале государство должно выражать цели и ценности гражданского общества, кроме того, выступать орудием реализации целей гражданского общества в таких негражданских сферах жизни как экономика.

В свою очередь, одна из важнейших функций гражданского общества состоит в том, чтобы воздействовать в сторону уменьшения бюрократического произвола, минимизировать отклонение интересов, сформулированных политиками от интересов общества как такового [10. С. 30]. Нормативный общественный интерес, формулируемый государством, должен в максимальной степени отражать интересы общества. В самом общем виде интересы общества состоят в повышении уровня и качества жизни его граждан. В современных условиях в экономике знаний экономический рост становится невозможным без непрерывного инвестирования в сферы науки, образования, культуры, здравоохранения. Механизм производства мериторных благ¹, необходимых для воспроизводства человеческого потенциала, может успешно функционировать лишь при тесном взаимодействии государства и гражданского общества.

Возрождение концепции гражданского общества и ее актуализация отмечается приблизительно с конца 70-х годов XX века. Примечательно, что по времени оно совпало с началом процесса ослабления государства всеобщего благосостояния на фоне распространения монетаризма в экономической политике ведущих стран мира. С тех пор, прежде всего в теоретическом плане, гражданское общество выделяется в особую сферу, призванную и, как мы надеемся, способную практически, противодействовать тотальной «маркетингизации» общества. Есть основания полагать, что мы являемся свидетелями начала длительного поступательного процесса становления гражданского

---

¹ Блага, спрос на которые со стороны индивидуальных потребителей отстает от потребностей общества и поддерживается государством.

общества в качестве влиятельной, равноправной сферы социально-экономической системы.

В контексте задач выхода из застойного состояния, в котором находится современная российская экономика, звучат предложения перейти к реализации в нашей стране модели мобилизационной экономики. Мобилизационная экономика в нашем представлении — это такая экономика, при которой ресурсы страны концентрируются на выбранных ключевых направлениях развития народного хозяйства и общества в целом. Она предусматривает наличие соответствующих институциональных, организационных и мотивационных механизмов мобилизации ресурсов. Такая экономика может различаться в зависимости от конкретной страны и реализовываться в различных социальных системах, как в плановых, так и в рыночных. К наиболее «жестким» типам мобилизационной экономики следует отнести экономику в условиях военного времени или просто военную экономику. В период существования СССР в нашей стране был накоплен значительный опыт функционирования мобилизационной экономики как военного, так и мирного, времени. Исходя из поставленных перспективных целей, национальных и исторических традиций страны, ее положения в мировой экономике и геополитике, механизмы мобилизации ресурсов могут быть самые разные.

В современной России также наличествуют определенные организационные предпосылки и элементы мобилизационной экономики. Прежде всего, речь может идти о так называемой двухсекторной модели экономики, в которой представлены, с одной стороны, государственный сектор, а с другой — частное предпринимательство. В рамках данной модели переплетаются рыночные и административные методы регулирования, государственная и негосударственная формы собственности. Первый сектор, государственный, формируют и составляют по большей части государственные корпорации, в задачи, которых входит реализация инфраструктурных и оборонных проектов. Одним из центральных механизмов эффективных форм мобилизации ресурсов развития и одновременно взаимодействия двух отмеченных секторов выступает государственно-частное партнерство. Перед экономикой стоит задача повысить эффективность данного взаимодействия с учетом общеэкономических интересов страны.

Особенность современной модели мобилизационной экономики состоит в том, что она должна в полной мере использовать социальное государство и социальную экономику для развития человеческого и социального потенциала общества, но в то же время ускорять научно-технический прогресс и осуществлять инновации, имеющие зачастую самодовлеющее значение и неподчиненные целиком социальным критериям, последовательно разрешая возникающие в обществе противоречия.

В качестве примера успешного опыта функционирования современной мобилизационной экономики смешанного рыночно-планового типа может

служить современный Китай. Одним из факторов успешности китайской экономики служит наличие в ней четких перспективных целей, механизмов их реализации, включающих как меры стимулирования, так и меры ответственности.

Система и механизмы мобилизационной экономики в современном Китае опираются на определенные методологические подходы, заслуживающие внимательного изучения. При этом в китайской модели реформ выделяются следующие основные моменты.

Во-первых, обращает на себя внимание то, что при выборе приоритетов между реформами, развитием и стабильностью на первое место выдвигается стабильность. Но речь при этом идет о стабильности в условиях динамично развивающейся экономики.

Во-вторых, в качестве главной задачи модернизации ставится ликвидация бедности и нищеты.

В-третьих, обновление институтов строится на основе экспериментов обогащения отечественного и учета заимствования иностранного опыта. Когда-то в советское время, и у нас эксперименты были достаточно распространенным явлением. Однако в условиях застоя они носили в основном формальный характер и их даже положительные результаты не находили, как правило, достойного применения. Представляется, что есть все основания в новых условиях вернуться к этой несправедливо забытой практике.

В-четвертых, реформы в Китае осуществляются поступательно, шаг за шагом. Неэффективные институты не разрушаются, но постепенно реформируются. Используется последовательная очередность приоритетов: сначала более легкие реформы, потом более трудные, сначала в деревне, потом в городе, сначала в приморье, потом внутри страны, сначала в экономике, потом в политике [11. С. 54].

Следует также добавить, что одной из основ успеха китайской экономической мобилизационной модели является последовательная кадровая политика, опирающаяся на высококвалифицированную и ответственную управленческую элиту. Такая политика опирается на практику регулярной ротации, обновления кадров, механизм, позволяющий эффективно использовать кадровый управленческий потенциал страны.

При этом во всем мире и в России, в частности, особое значение имеет анализ роли элиты в экономическом развитии страны. Эта роль неоднозначна. Впервые на проблему качества элиты обратил внимание Т. Веблен в своей книге, вышедшей еще в конце XIX века, исследуя феномен многочисленного «праздного класса», то есть слоя богатых граждан, которые в силу своего богатства не нуждаются в зарабатывании на жизнь и при этом ведут особый образ жизни. Веблен отмечает, что чрезмерное неравенство в положении праздного класса и масс трудящихся парадоксальным образом служит тормозом развитию. Праздный класс выступает как консервативный класс. Такая его позиция

определяется тем обстоятельством, что зачастую жесткие требования, выдвигаемые общей экономической ситуацией, сложившейся в обществе, не касаются его представителей. В то же время люди бедные и те, чьи силы поглощает повседневная борьба за существование, по словам Т. Веблена, консервативны, поскольку не могут позволить себе позаботиться о послезавтрашнем дне. При этом скопление богатства на верхних ступенях социально-денежной лестницы предполагает наличие лишений на более низких ступенях. В свою очередь, значительные лишения среди массы народа, где бы они ни имели место, служат серьезным препятствием нововведениям. Позицию, характерную для праздного класса, Т. Веблен кратко выражает в формуле: «Все, что ни есть, все правильно», тогда как закон естественного отбора в приложении к социальным институтам должен звучать совершенно иначе: «Все, что ни есть, все неправильно». Таким образом институт праздного класса в силу классового интереса, инстинкта, личного примера стремится увековечить существующее несоответствие социальных институтов и даже благоприятствует возврату к более архаичному образу жизни общества [12. С. 214–215].

Своеобразным проявлением отмеченного Т. Вебленом консерватизма праздного класса служит отмечаемый китайскими экспертами в ходе реформ пример «искажающего механизма». Возникновение данного механизма восходит к периоду формирования, начиная с середины 90-х годов прошлого века, своеобразных союзов элит. Дело в том, что как на стадии принятия решений, подготовки проектов реформ, так и на стадии их осуществления происходят так называемые искажения. Отмечено, что действуют они в одном направлении: преобразования, не выгодные привилегированным группам, в основном тормозятся. Что касается рядовых граждан, то ни на одной из названных стадий они, как правило, не в состоянии оказать эффективное воздействие. В реальной практике сигналы с низов доходят до высших органов, принимающих решения, лишь вследствие серьезного обострения противоречий, накопления социальных проблем вследствие возникновения чрезвычайных ситуаций. Каналы передачи информации «снизу» оцениваются как малоэффективные, и в конечном счете, дорогостоящие для общества. В свою очередь отсутствие эффективного способа выражения массами своих требований и мнений в процессе реформ еще более усиливает действие пресловутого «искажающего механизма» [11. С. 63–64].

Представляется, что важнейшим фактором преодоления накопившихся институциональных деформаций в России, а также формирования новой мобилизационной модели развития может стать гражданское общество и гражданская активность. Гражданское общество объективно выступает как важнейший фактор активизации социального потенциала и мобилизации ресурсов развития. Такая мобилизация предполагает выполнение следующих условий: преодоление социальных деформаций, чрезмерного социального расслоения граждан; развитие процессов демократизации; выработку демократических процедур

формировании экономической политики, достижения социального консенсуса вокруг направлений и механизмов ее реализации; достижение социально-экономической интеграции общества, его мобилизации на решение задач модернизации.

Одним из важнейших институциональных барьеров, препятствующих мобилизации ресурсов устойчивого экономического роста, а также проблемой, находящейся в центре внимания исследований по социальной экономике, служит высокий уровень социального неравенства, или неравенства в распределении доходов населения. Перед обществом стоит задача: найти, определить и задействовать институты и механизмы преодоления чрезмерного неравенства что относится и к нашей стране. Примечательно, в одной из своих книг американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике Пол Кругман, исследуя практику США в решении проблемы неравенства и создания многочисленного среднего класса, приходит к выводу, что в формировании уровня экономического неравенства решающую роль играют политические условия и, в частности усиление во власти позиций правых, консервативных кругов [13. С. 13–15]. Иными словами, решение социальных и экономических проблем зависит от соответствующей расстановки политических сил.

Успешная мобилизация ресурсов развития в современных условиях предполагает интенсивный характер их использования, что, в свою очередь, предполагает модернизацию экономики и общества в целом. Центральную роль в процессах модернизации играет социальный потенциал, его следующие составляющие: во-первых, это человеческий потенциал и его качественные характеристики, которые определяются, в частности, уровнем социализации граждан и их образованности. Во-вторых, наличие институциональных структур, формируемых в ходе институциональных реформ и проведения соответствующей политики государства. В-третьих, социальный потенциал включает в себя культурно-исторический опыт, традиции, унаследованные социальные формы общества, т.е. предполагает учет фактора исторической преемственности. Оптимальный ход модернизации, по мнению польского социолога П. Штомки – это исторически и культурно обусловленное сочетание, взаимосвязь социальных инноваций и традиций [14. С. 120].

Литература

1. Джеймисон Ф. Реально существующий марксизм. // Логос. 2005. № 3(48). С. 208–246.
2. Хубиев К.А. Тенденции и перспективы современного экономического развития: интегративный тренд? / Гэлбрейт: возвращение. Монография // М.: Культурная революция, 2017. С. 114–156.
3. Declaration by the Social Economy organizations. European Social Economy Conference in Salamanca, 27–28 May 2002. URL: <https://www.yumpu.com/en/document/read/28571899/declaration-social-economy-europe> (дата обращения: 20.06.2020)

4. *Дмитриева А.В.* Социальное включение/исключение как принцип структуризации современного общества // Социологический журнал. 2012. № 2. С. 98–114.
5. *Piotr Sałustowicz.* Pojęcie, koncepcje i funkcje ekonomii społecznej Ekonomia społeczna perspektywa rynku pracy i pomocy społecznej / Pod red. J. Starega-Piasek // Warszawa 2007, s. 21–46.
6. Czas społeczeństwa obywatelskiego. Między teorią a praktyką. / Pod red Krauz-Mozer B., Borowiec P. Krakow: Wyd-wo Un-tu Jagiellońskiego, 2006. 262 s.
7. *Bryant C.G.A.,* Social Self-organization, Civility and Sociology: a comment on Kumar's "Civil Society" // The British Journal of Sociology 1993, vol. 44, nr 3, p. 397–401.
8. *Alexander Jeffrey C.* Real Civil Society: Dilemmas of Institutionalization. London, 1998. 246 p.
9. *Павленко Ю.Г.* Институциональные основания государства в контексте наследия Т. Веблена, Дж. К. Гэлбрейт, Т.Х. Маршалла. // Экономическая наука: забытые и отвергнутые теории: Сборник материалов 1-ой Октябрьской международной научной конференции по проблемам теоретической экономики. 3-5 октября 2019 г. М.: ИЭ РАН, 2019. С. 131–134.
10. *Рубинштейн А.Я.* Общественные интересы и гражданское общество // Гражданское общество: зарубежный опыт и российская практика. СПб. Алетейя, 2011. С. 12–35.
11. *Бергер Я.М.* Экономическая стратегия Китая. М.: Форум, 2009. 560 с.
12. *Веблен Т.* Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 368 с.
13. *Кругман П.* Кредо либерала // М.: Европа, 2009. 330 с.
14. *Штомпка П.* Модернизация как социальное становление (10 тезисов по модернизации) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 6. С. 119–126.

Yu. Pavlenko (e-mail: pavlenko@inecon.ru)

Grand Ph.D. in Economics,

Professor, Institute of Economics RAS (Moscow)

SOCIAL ECONOMY AND CIVIL SOCIETY AS STATE DEVELOPMENT RESOURCES MOBILIZATION FACTORS

The article examines the political and economic aspects of a long-term strategy for overcoming stagnation and for the advancement of the economy through the formation of a social economy model based on totally new production relations and institutional mechanisms of civil society.

The practicality of the versatile use of the mobilization economy mechanisms with the view of attracting and concentrating the required development resources is substantiated.

Keywords: social economy, state, civil society, industrial relations, mobilization economy.

DOI: 10.31857/S020736760012603-2